

Стоило Сян Ланчоу окликнуть Чжао Цзи и вернуть его к разговору, как тот мгновенно перехватил инициативу, подчинив переговоры своей воле.

Загнанному в угол главе Сян, чьё положение было куда более отчаянным, оставалось лишь безропотно сносить любые условия. Он оказался в роли ягнёнка перед мясником.

Тем временем Императорская гвардия Юйлинь переловила всех зачинщиков уличных беспорядков в Кайфэне. Вскоре, ведомые Бандой нищих, они отыскиали и самого Сян Ланчоу. Глава секты, раздавленный физически и морально, едва дышал.

Чжуймин и Тешоу из чистого сострадания соорудили из каких-то обломков подобие носилок и унесли бедолагу с собой.

Чжао Цзи, разузнав у Сян Ланчоу нужное место, без труда отыскал заветный список, о котором грезил всё последнее время.

Довольный собой, он пустился в обратный путь.

Всё шло точь-в-точь как и в прошлый раз. Привычным путём Чжао Цзи пробрался к наиболее слабо охраняемому участку дворцовой стены, задействовал технику лёгкости и взмыл ввысь.

Но стоило ему перемахнуть через каменную преграду, как у самого уха свистнул рассекаемый воздух, а голень обожгло резкой, острой болью.

Потеряв равновесие в воздухе, он кубарем полетел вниз и с глухим звуком шмякнулся прямо в жидкую грязь.

Кое-как перекатившись, Чжао Цзи судорожно обхватил руками правую ногу — та полностью онемела. Ковыляя на одной левой, он в отчаянии взобрался на декоративную каменную горку и замер, затаив дыхание. Почти сразу же снизу донёсся тихий скрип деревянных колёс. Спустя мгновение раздался ровный, холодный голос:

— Лэнсюэ, протолкни меня ещё немного вперёд. Тот, кто дерзнул пробраться во дворец под покровом ночи, не мог уйти далеко.

С трудом сдерживая стон, Чжао Цзи кривился от досады и страха. Повреждённая нога висела плетью; казалось, она вовсе ему больше не принадлежала.

Мысли путались, сменяя друг друга в безумном хороводе. Наружу один за другим всплывали мелкие детали, на которые он раньше не обращал ни малейшего внимания. Теперь эти упущения словно насмехались над его беспечностью.

«Не зря ведь Сяо Ци предостерегал: "Охрана во дворце крепка снаружи, да слаба изнутри. Не уйдёшь пораньше — потом костей не соберёшь"».

«И этот беззубый малец-попрошайка, вечно носящийся словно ветер, неспроста ведь ляпнул: "Чжуйминю нынче подфартило, не его сегодня стража"».

Да и ловить смутьянов отправились одни лишь Чжуймин и Тешоу.

Все ниточки сходились к одному пугающему выводу: сегодня дежурили Уцин и Лэнсюэ!

И чью же службу они несли?

Императорской гвардии Юйлинь!

А в чём состоит долг гвардейцев?

Оберегать покой Запретного города!

Ну почему, почему он не додумался до этого раньше?!

Забившись в расселину камней, Чжао Цзи не смел даже вздохнуть. Голова шла кругом. Его швыряло из одной нелепой думы в другую. Неужто нога сломана? Придётся ли её отнимать? Неужели он войдёт в историю как первый хромо́й император?

К горлу подкатила удушливая волна обиды. Он ведь находился в собственном доме! Его избивали его же собственные преданные слуги, а он мало того что не мог дать сдачи, так ещё и вынужден был малодушно прятаться по углам! Кому вообще пожаловаться на подобный произвол?

Придя в себя, он мысленно приструнил свой страх.

«Нельзя выдавать себя. Ни в коем случае! Мало того что попался, так ещё и вырядился в женское платье. Если меня застукают в таком виде, позора вовек не обернуться».

От этих размышлений его отвлёк внезапный спазм тревоги. Сердце испуганно ёкнуло. Когда это внизу успела воцариться мёртвая тишина?

Оцепенев, он с ужасом осознал: прямо у него за спиной кто-то дышит!

С Сяо Ци в своё время было проще — тот подстраивал частоту своего дыхания под его собственную, оттого Чжао Цзи его и не заметил.

Но этот пришелец не выдавал себя ни единым звуком по иной, куда более жуткой причине: он вообще не дышал!

Лишь в ту долю секунды, когда Чжао Цзи почуял неладное, до его слуха долетел едва уловимый, мимолётный вздох. Он прозвучал столь тихо, что его легко можно было спутать со звуком падения подтаявшей сосульки, разбившейся о камни у подножия крыши.

«Сзади кто-то есть?!»

От дикого ужаса волосы у Чжао Цзи едва не встали дыбом. Но не успел он даже шевельнуться, чтобы развернуться для удара, как к горлу прижалось холодное лезвие клинка. Голос его пленителя прозвучал сухо и безжизненно:

— Говори, кто ты? Зачем прокрался во дворец под покровом ночи?

Чжао Цзи лишился дара речи.

«Мне конец».

<http://bllate.org/book/18987/1959851>